

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1-311.6

СИМВОЛИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПЕРЕОДЕВАНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ XX В.

Е. И. Абрамова

Тверской государственный университет
кафедра журналистики, рекламы и связей с общественностью

Автор статьи обращается к анализу мотива переодевания в одном из его аспектов – символическом. В работе рассматриваются эпизоды двух исторических романов XX века: «Петр Первый» А. Н. Толстого и «Антихрист (Петр и Алексей)» Д. С. Мережковского. Данное исследование является частью серии научных работ, посвященных проблеме мотива переодевания в исторической прозе XX века в его культурно-историческом аспекте.

Ключевые слова: исторический роман, костюм, костюмные детали, мотив переодевания, одежда, функции переодевания.

При большом интересе к исследованию мотивов в современном литературоведении практически не уделяется внимание мотиву переодевания, который, с нашей точки зрения, может стать весьма перспективным объектом для анализа, особенно в исторической прозе. Появление мотива переодевания в исторических романах может быть обусловлено несколькими причинами: во-первых, особенностями изображаемой эпохи (например, XVIII век необычайно богат на переодевание – от социально-культурного в масштабах государства до игрового маскарадного, представленного и в эстетическом (бал-маскарад), и в этическом (любовная интрига) аспектах; или период XX века, характеризующийся сменой гендерных приоритетов, которая повлекла за собой кардинальные изменения в женской моде и т. д.). Однако осмелимся предположить, что независимо от изображенного периода мотив переодевания, если он возникает в историческом романе, определяет некие общие культурно-исторические или социально-культурные доминанты.

Во-вторых, своеобразие авторской стилевой манеры и индивидуального подхода писателя к историческому материалу также определяют наличие мотива переодевания в тексте романа. Например, при всей тщательности, детальности и достоверности изображения костюма в произведениях Д. М. Балашова переодевание в символическом или психологическом плане практически не представлено, хотя костюм дает читателю пластическое ощущение исторического периода и формирует особое национальное пространство романа, маркируя взаимовлияние наций друг на друга и взаимные контакты народов. Переодевание в романах Д. М. Балашова носит чисто утилитарный характер: перемена платья как бытовой элемент жизни человека независимо от его социального статуса. Однако у ряда исторических романистов в силу разных причин (от специфики самой эпохи до особенностей

ее авторской интерпретации) исследуемый мотив не только широко представлен, но и может стать лейтмотивом.

Смена костюма как знаковый компонент эпохи диктует несколько аспектов исследования (например, переодевание как культурная доминанта эпохи, в том числе маскарадные переодевания, запреты на переодевание в контексте исторических романов), однако в данной статье мы остановимся на одном из них: рассмотрим эпизоды романов Д. С. Мережковского «Антихрист (Петр и Алексей)» и А. Н. Толстого «Петр Первый», где переодевание приобретает символическое значение.

В романе Д. С. Мережковского «Антихрист (Петр и Алексей)» целый ряд костюмных деталей способствует созданию особого карнавального мира, который является привычной средой для Петра-Антихриста и враждебной для Алексея. Писатель-символист наполняет мистическим содержанием традиционные для петровской эпохи и маскарадные переодевания, и внедрение новой европейской моды в культуру нации, что также подчеркивает своеобразие творческого метода Д. С. Мережковского. Однако символическое наполнение переодевания в ряде случаев приобретает особое значение и требует отдельного анализа, особенно если возникает в реалистическом произведении, например в романе А. Н. Толстого «Петр Первый». В тексте противостояние старых порядков и нововведений царя сохраняется на костюмном уровне достаточно долго, хотя во второй и третьей частях немецкое платье постепенно вытесняет русский костюм: «В прежние года в этот час Роман Борисович уж вдевал бы в рукава кунью шубу, с честью надвигал до бровей бобровую шапку, – шествовал бы с высокой тростью по скрипучим переходам на крыльцо. <...> Князь Роман Борисович угрюмо поглядел на платье, брошенное с вечера на лавку: шерстяные, бабы, поперек полосатые чулки, короткие штаны жмут спереди и сзади, зеленый, как из жести, кафтан с галуном. На гвозде вороной парик, из него палками пыль-то не выколотишь. <...> Одевшись, Роман Борисович подвигал телом, – жмет, тесно, жестко. <...> Снял с гвоздя парик (неизвестно – какой бабы волосы), с отвращением наложил» [5, с. 374–375]. На первый взгляд, эпизод представляет не переодевание, а просто одевание, облачение в костюм. Тем не менее можно утверждать, что этот фрагмент в обобщенной форме емко демонстрирует то самое переодевание из старорусской одежды в новую, европейскую, которое является одним из символов петровской эпохи. В эпизоде четко выделяются два временных пласта: прошлое и настоящее, отмеченные подробностями платья. Воспоминание боярина о прежних годах начинается именно с костюма, и сразу даны две знаковые детали – шуба и шапка, эти два атрибута в недавнем прошлом Московского государства были показателями боярской чести, достоинства, достатка. Новая одежда крайне неудобна: она напоминает орудие пыток («короткие», «жмут», «как из жести», «тесно, жестко» [5, с. 374–375]). Необходимо отметить, что в первой части (воспоминании) все глаголы несовершенного вида («вдевал бы», «надвигал», «шествовал бы»), а во второй – совершенного (за исключением двух случаев, в которых одно слово представлено в личной и безличной форме: «жмут», «жмет») («поглядел», «не выколотишь», «подвигал», «снял», «наложил»). С точки зрения значения грамматических форм русского языка глаголы совершенного вида указывают

на завершенность действия, его результат, начало (причем это начало подразумевается как некая граница, предел) или конец, а глаголы несовершенного вида обозначают действие без ограничения протекания его во времени, действие длительное или повторяющееся. Поэтому одевание в воспоминании предстает как устойчивый процесс, символизирующий незыблемость порядков допетровской эпохи, а завершением или, точнее, результатом так много лет длящегося ежедневного облачения становится вынужденное и нежеланное надевание нового и чуждого платья, введенного царем. Глагольная лексика за счет указанной выше специфики использования грамматических форм смыкает процесс прошлого и его результат в текущем моменте, что позволяет говорить не просто о двух представленных в тексте моментах одевания (желанного, а потому и не обдумываемого, и неприятного, а следовательно, и оттягиваемого), а о переодевании.

Таким образом, данный эпизод формирует символическое переодевание Московской Руси в европеизированную Россию, но при этом заостряет и психологические трудности процесса. Чувство неприязни иноземной одежды также обусловлено психологическим барьером, не позволяющим боярину воспринимать новый костюм как «свой» хотя бы по «половому» аспекту: чулки – бабьи, парик – бабьи волосы. Психологический аспект смены костюма в данном эпизоде требует отдельного рассмотрения, которое может стать материалом для дальнейших изысканий филологов.

Представленное выше будничное переодевание не просто демонстрирует «обновление одежд и своего социального образа» [1, с. 214], а маркирует границу эпох, культурных пластов, поэтому становится символическим. Однако в исторических романах мы находим примеры и маскарадного переодевания, которое получает особое значение. Спецификой петровского времени было сосуществование двух миров, сформированных государем: один – будничный, трудовой, другой – «потешный», шутейный. Первому в произведении А. Н. Толстого отведено гораздо больше места, поэтому маскарадный костюм представлен не так полно, как повседневный. Интересно само его появление на страницах романа, которое связано с переодеванием дядьки Петра – Никиты Зотова, он впоследствии станет князь-папой «потешного» мира: «Тут же, как было указано, надел на себя вывернутую заячью шубу, на голову – мочалу, поверх венка из банного венника, в руки взял чашу» [5, с. 89]. Этот маскарадный костюм довольно типичен и несет приметы святочных гуляний: «ряженные натягивали на голову кульки, прикрепляли рога, напяливали вывороченные мехом наружу тулупы...» [2, с. 77]. Однако особое значение приобретает деталь, упомянутая до переодевания, – мягкие сапожки Зотова, которые отсылают читателя к представленному ранее костюму героя: «Никита Зотов стоял перед ней истово и прямо, как в церкви, – расчесанный, чистый, в мягких сапожках, в темной из тонкого сукна ферязи, – воротник сзади торчал выше головы» [5, с. 67]. Дядька царя нарисован как образец древнего благочестия и культуры Святой Руси (недаром возникает сравнение «как в церкви» [5, с. 67]). В связи с этим переодевание именно Зотова в маскарадный костюм приобретает особый смысл: в шутовское платье царь рядит старую Русь.

Подобное символическое наполнение маскарадного костюма мы находим в романе Д. С. Мережковского «Антихрист (Петр и Алексей)». «Потешный» мир полон темных образов, он уродлив, жесток и одновременно специфично театрален, что отвечает особенностям маскарада (исследуя историко-культурные мотивы маскарада, Т. И. Печерская отмечает: «... маскарад подчеркнуто условен и театрализован» [4, с. 35]). Его искусственность маркируется костюмом молодой девушки: «... где у фонтана, в полукруге высоких шпалер из подстриженной зелени, под мраморной Помоной, на дерновой скамье сидела одиноко девушка лет семнадцати, в роброне на фижмах из розовой тафтицы с желтенькими китайскими цветочками, с перетянутой в рюмочку талией, с модной прическою Расцветающая Приятность, но с таким русским, простым лицом, что видно было – она еще недавно приехала из деревенского затишья, где росла среди мамушек и нянюшек под соломенную кровлею старинной усадьбы» [3, с. 349].

Фрагмент выстроен как сцена из спектакля: есть декорации, костюм, но все кажется таким искусственным перед простым лицом героини и незамысловатостью обитателей старинной усадьбы. Нагромождение костюмных деталей, сложность модной прически, имеющей романтическое название, – все это чуждо для русской девушки. Писатель снова возвращается к героине, открыто декларируя ложность иноземной «маски», которая не может скрыть русской простоты и чистоты: «Вокруг нее и на ней все было чужое, искусственное – «на Версальский манер» – и фонтан, и Помона, и шпалеры, и фижмы, и роброн из розовой тафтицы с желтенькими китайскими цветочками, и прическа Расцветающая Приятность, и духи Вздохи Амура. Только сама она, со своим тихим горем и тихой песней, была простая, русская, точно такая же, как под соломенную кровлею дедовской усадьбы» [3, с. 350].

Для автора важно, что девушка способна не подчиняться стихии маскарада: ее костюм остается лишь заметной внешней маской и не меняет внутренней сути. Этот образ вырастает до символического: девушка воспринимается как Россия, временно облаченная (переодетая) в чуждые наряды, но внутри остающаяся прежней, неподвластной черному «потешному» миру, верно хранящей устои «дедовской усадьбы» – старого патриархального мира.

Еще один женский образ в романе «Антихрист (Петр и Алексей)» приобретает символическое значение в связи с переменной платья на иноземное. Любовница Алексея Ефросинья, находясь с царевичем в Неаполе, одевается в европейский костюм: «... только, наряженная по французской моде, в мушках, фижмах и роброне, казалась еще более непристойно-соблазнительной, невинно-бесстыдною» [3, с. 538]. В этом наряде она еще более бесстыдна, чем в простой юбке с подоткнутым подолом, когда ее – дворовую девку, моющую полы, – впервые увидел царевич. Алексей невольно сопоставляет ее с образом блудницы или дьяволицы, искушающей св. Антония. Таким образом, в контексте романа Д. С. Мережковского введенная Петром в России европейская мода трактуется как явление не просто чуждое, но и «бесовское», несущее беспутство, разврат как телесный, так и духовный.

Последний раз костюмная деталь в романе «Антихрист (Петр и Алексей)» возникает в связи с образом Тихона и приобретает символическое значение в контексте переодевания. Следует отметить, что это второе и последнее появление одежды духовного двойника царевича. В основе двух представленных описаний костюма Тихона лежит смена платья, но в первом случае переодевание осуществляется не столько им самим, сколько по воле другого человека: «... Емельян велел Тихону раздеться донага и надел на него длинную, полотняную рубаху, на ноги нитяные чулки без сапог...» [3, с. 729]. Этот навязанный костюм не является выбором самого Тихона, поэтому герой не находит в душе гармонии с идеями хлыстов и спасает младенца, которого должны принести в жертву. Во втором случае смена костюма – выбор Тихона, но не рациональный, а внутренний, духовный: герой, словно по подсказке свыше, вдруг понимает, что ему нужно сделать: «Тихон встал, пошел в свою келью, вытащил из-под кровати укладку, вынул из нее свой страннический подрясник, кожаный пояс, четки, скуфейку, образок св. Софии Премудрости Божией, подаренный Софьей; снял с себя кафтан и все остальное немецкое платье, надел вынутое из укладки, навязал на плечи котомку, взял в руки палку, перекрестился и никем не замеченный вышел из дома в лес» [3, с. 744]. Снятие героем, искателем истинной веры, типичного платья петровского мира, который, как мы выяснили, мистически и враждебно духовному началу карнавализован, – это уход от Антихриста. Смена костюма становится символом поиска нового пути: надеваемая Тихоном одежда странническая и, что особенно важно, связана с духовным аспектом бытия – подрясник, четки, скуфейка, образок. Так на уровне костюмной детали реализуется авторская идея возможности обретения синтеза в борьбе двух начал – христианского и антихристианского (тезиса и антитезиса), то есть обретения новой религии.

В данной статье мы обратились к отдельным эпизодам исторических романов А. Н. Толстого «Петр Первый» и Д. С. Мережковского «Антихрист (Петр и Алексей)» с целью рассмотреть мотив переодевания в символическом аспекте. Выбор произведений был обусловлен, во-первых, одним и тем же историческим периодом – петровской эпохой, что позволило проследить сходства и различия в рамках одной темы. Во-вторых, нам показалось важным сопоставить особенности символических переодеваний на примере различных художественных методов, что способствует большей объективности и достоверности исследования. В ходе анализа было выявлено, что, несмотря на разные подходы А. Н. Толстого и Д. С. Мережковского к образу Петра I и к оценке петровской эпохи в целом, в романах наблюдается использование переодевания в символическом аспекте. Полагаем, что приведенные нами примеры позволяют сделать вывод о значимости исследуемого мотива в текстах.

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М. : Худож. лит., 1990. – 541 с.
2. Карнавалы. Праздники [Текст] ; ред. Группа : Т. Каширина, Т. Евсева. – М. : Мир энциклопедий, 2005. – 184 с.

3. Мережковский, Д. С. Антихрист. Петр и Алексей [Текст] / Д. С. Мережковский // Собрание сочинений: в 4-х т. / Д. С. Мережковский. – М. : Правда, 1990. – Т. 2. – 763 с.
4. Печерская, Т. И. Историко-культурные мотивы маскарада [Текст] / Т. И. Печерская // Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы: Сюжет и мотив в контексте традиции ; под ред. Е. К. Ромодановской. – Новосибирск : Ин-т филологии СО РАН, 1998. – Вып. 2. – С. 21–37.
5. Толстой, А. Н. Петр Первый [Текст] / А. Н. Толстой. Собрание сочинений: в 10 т. / А. Н. Толстой. – М. : Гос. изд-во худож. лит., 1959. – Т. 7. – 861 с.

SYMBOLIC ASPECT OF THE CHANGING ROOMS IN THE HISTORICAL PROSE OF THE XX C.: STATEMENT OF A PROBLEM

E. I. Abramova

Tver State University

The department of journalism, advertising and Public Relation

The article is dedicated to the analysis of the redressing as one of the significant culture motive. Talking about two historical novels – “Peter The Great” by Alexey Tolstoy and “Antihrist (Peyer and Akex)” Dmitry Merezhkovsky – the author explores the series of episodes where we can see redressing motive as a cultural historical predominant. Here it is identified how the features of such aspects keep function.

Key words: *redressing, costume, costume detail, clothes, redressing function, historical novel, cultural predominant*

Об авторах:

АБРАМОВА Екатерина Игоревна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: katerinaabramova@mail.ru